

6. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускае літаратуры / М. Гарэцкі; уклад, і падрыхт. тэксту Т. С. Голуб. - Мінск: Маст. літ., 1992. - 476 с.
7. Гарэцкі, М. Маці / М. Гарэцкі [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступу: <http://karotkizmesh.by/беларуская-літаратура/максім-гарэцкі/максім-гарэцкі-маці.ЫТ1>.
8. Гётэ, Ё. В. Выбраныя творы / Ё. В. Гётэ; уклад., прадм. Л. Баршчэўскага і П. Копанёва, камент. Л. Баршчэўскага і В. Сёмухі. - Мінск: Беларусі кнігазбор, 1999. - 640 с.
9. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я Купала. - Мінск: Маст. літ., 2001. - Т. 7. Драм, паэмы і п'есы. - 399 с.
10. Лявонава, Е. А. Семантыка метамарфозы ў апавяданні М. Гарэцкага «Рускі» і навеле Ф. Кафкі «Ператварэнне»: агульнае і асаблівае / Е. А. Лявонава // Немецкая культура в контексте мировой: сб. науч. ст.; под ред. Г. В. Синоло. - Минск: РИВШ, 2014. - С. 273-283.
11. Шпенглер, О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер. - Новосибирск: ВО «Наука», 1991. - Т. 1. Образ и действительность. - 582 с.
12. Ядвігін Ш. Выбраныя творы / Ядвігін Ш. - Мінск: Маст. літ., 2006. - 293 с.

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

А. В. Васильчук

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: wasilika@mail.ru

Статья посвящена исследованию функционирования и роли библейских мотивов в дебютном романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух». Обосновывается мысль о том, что философские взгляды Голдинга близки религиозному экзистенциализму. Центральным стержнем философско-этической системы писателя являются духовно-этические категории добра и зла, греха и святости, веры и сомнения, духа и плоти. Анализ использования писателем ветхозаветных и новозаветных мотивов в романе-притче «Повелитель мух» позволяет сделать вывод об их нетрадиционной интерпретации в тексте, а также об интересе Голдинга к христианству исключительно с этической стороны.

Ключевые слова: Библия, английская литература XX века, Уильям Голдинг, роман «Повелитель мух», религиозный экзистенциализм, философско-аллегорический роман, библейский мотив, проблема добра и зла, роман-притча.

**BIBLICAL MOTIVES IN WILLIAM GOLDING'S
NOVEL «LORD OF THE FLIES»**

A. V. Vasilchuk

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,
Kurchatov Str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: wasilika@mail.ru

In this article the studying of functioning of biblical motives and their role in William Golding's first novel «Lord of the Flies» is presented. The author proves the idea that the philosophical views of William Golding are close to religious existentialism. It is reported that Golding's philosophical and ethical system is based on spiritual and ethical categories such as good and evil, sin and holiness, belief and doubt, flesh and spirit. By analyzing motives of the Old Testament and the New Testament in the parabolic novel «Lord of the Flies» it is possible to conclude that biblical motives were interpreted by writer in a non-traditional way. It testifies that Golding was interested only in an ethical aspect of Christianity.

Key words: the Bible, English literature of the XXth century, William Golding, «Lord of the Flies», religious existentialism, philosophical and allegorical novel, biblical motive, problematic aspects of the good and the evil, parabolic novel.

Дебютный роман Уильяма Джеральда Голдинга «Повелитель мух», вышедший в 1954 г., считается одним из важнейших произведений западной литературы XX в. В списке The Times «The Best 60 Books of the Past 60 years» он занимает строку лучшего романа за 1954 г. Именно благодаря ему за У Голдингом прочно закрепился ярлык пессимиста и слава сочинителя притч.

Подводя итог своему творчеству в книге «Движущая цель», писатель не без иронии высказался о разноречивых и порой взаимоисключающих интерпретациях «литературно-критической индустрией» романа «Повелитель мух»: «Одна из моих книг стала предметом фрейдистского анализа, неофрейдистского, с точки зрения юнгианства, римско-католического рассмотрения, получила полное одобрение с позиций протестантства, вызвала подозрение в неконформизме, неверном истолковании научного гуманизма, не говоря о диалектике, одновременно марксистской и гегельянской» (цит. по: [7, с. 38]).

Благодаря сложному и противоречивому художественному миру писателя обозначить место Уильяма Голдинга в литературном процессе XX в. достаточно трудно. Большинство западных исследователей (Дж. Байлс, Ф. Карл, Т. Бойл) все же склоняется к мнению, что взгляды Голдинга близки философии экзистенциализма, не уточняя, правда, ее разновидности. Российские литературоведы Г. В. Аникин и Н. П. Михальская отмечали, что «философия в романах Голдинга — в постановке острых морально-этических проблем. Философская суть в трактовке этих проблем часто смыкается с экзистенциализмом, но страстное желание отыскать в человеке добро и опереться на него в противостоянии со злом, якобы изначально присущим человеческой природе, отличает позицию Голдинга от последовательного экзистенциализма» [1, с. 498].

На церемонии вручения Нобелевской премии в 1983 г. У Голдинг высказал мысль о том, насколько важно быть *homo moralis* — человеком, «который не сможет убить себе подобного, или эксплуатировать, или ограбить другого» (цит. по: [7, с. 53]). Через два года после вручения Нобелевской премии в интервью профессору Джону Хаффендену У Голдинг сказал о своем отношении к религии следующее: «Я не могу не верить в Бога. Надеюсь, что жизни после смерти не существует. Не думаю, что это важно — есть ли жизнь после смерти или нет, если Бог существует... я никогда не был способен не верить в Бога. Я не верю в себя, но я верю в Бога, и более важная проблема — верит ли Бог в меня» (цит. по: [4]). Эти две фразы писателя становятся в некотором роде ключом к пониманию того, как в романе «Повелитель мух» философские мысли писателя сочетаются с идеями христианства.

В основу романа «Повелитель мух» легли наблюдения У Голдинга за поведением детей во время преподавания в школе Уолдсворта в Солсбери после Второй мировой войны. Он не раз замечал, как дети проявляли совсем, казалось бы, не детские страсти: борьбу за лидерство, жестокость, агрессию. К писателю пришло осознание того, что жестокие, разрушительные инстинкты дремлют в каждом человеке с самого детства и ждут повода, чтобы прорваться наружу. Сделав героями своего романа детей, которые, освобождаясь от норм взрослого мира, совершают убийства, автор полемизирует с чрезвычайно привлекательной христианской мыслью о том, что детство — это состояние невинного блаженства. Одно из ее воплощений находим в 3-м стихе 18-й главы Евангелия

от Матфея: «...и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (*Матф 18:3*).

Исследователи по-разному определяют роман «Повелитель мух»: притча, параболa, аллегория, философско-аллегорический роман. Все исследователи сходятся во мнении, что роман содержит фабульный и аллегорический уровни прочтения. В ходе третьей мировой войны самолет, на котором везли в эвакуацию группу мальчишек-школьников, терпит крушение на необитаемом острове. Этот коралловый остров, опушенный пальмами, полный фруктовых деревьев, цветов и птиц, в начале романа представляет собой райский блаженный уголок. Оставшиеся без родителей мальчишки пытаются построить цивилизацию на острове, но она рассыпается в прах из-за греховной природы ребят, склонной к жесткости и насилию. На втором, аллегорическом уровне роман может быть прочитан как символическая притча о порочности рода человеческого, изгнанного из райского сада.

Весь роман буквально пронизан библейской образностью. Символично название книги. «Повелитель мух» — калька с древнееврейского имени *Бааль-Зевув* (זבוב השרה). Бааль-Зевув упоминается в 4-й Книге Царств как божество филистимлян — «божество Аккаронское» (4 Цар 1:3), т. е. божество, почитавшееся в Экроне Аккароне; предположительно, филистимское именование древнего и современного портового города Акко). Как указывает Г. В. Синило, «археологические находки XX в. подтвердили, что в культе Бааль-Зевува действительно использовались идола в виде мух, покровителем которых считался этот бог» [6, с. 173]. В Новом Завете это имя стало ассоциироваться со злым духом, «князем бесов». В частности, оно упоминается в Евангелии от Матфея: «И дивился весь народ и говорил: не Сей ли Христос, Сын Давидов? Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» (*Матф 12:23-24*). Постепенно в христианской традиции Веельзевул начинает отождествляться с Сатаной — главным противником Бога, воплощающим зло и толкающим человека на путь духовной гибели. В западноевропейской литературе Веельзевул предстает также как ближайший сподвижник и военачальник Люцифера (Сатаны) — например, в трагедиях голландских драматургов Г. Гроция «*Adam Exul*» («Адам Изгнанный», 1601) и Й. ван ден Вондела «*Люцифер*» (1654) и «Адам в изгнании» (1664), а также в эпической поэ-

ме Дж. Милтона «Потерянный Рай» (1667). В романе «Повелитель мух» отсутствует персонифицированный образ зла. Типичный для христианской традиции образ Сатаны здесь осмысливается нетрадиционно, воплощаясь в форме звериной, грозной силы, дремлющей внутри человека.

Библейские мотивы читатель находит уже в первой главе романа. Христианская доктрина первородного греха утверждает, что в результате грехопадения Адама и Евы каждый человек с рождения оказывается вовлеченным в борьбу добра и зла, унаследовав предрасположенность к греху. В романе грехопадение обитателей острова происходит в конце второй главы, когда появляется первая жертва — сгоревший в огне малыш, которого другие ребята запомнили по багровому родимому пятну на лице. Таким образом, в романе «Повелитель мух» идея о демоническом начале внутри человека смыкается с христианской доктриной первородного греха.

В Библии Господь посылает на землю своего Сына, Иисуса Христа, чтобы Тот искупил первородный грех крестными страданиями. Искупительная жертва есть и в романе «Повелитель мух». Это Саймон — персонаж, открывающий галерею голдинговских мистиков-визионеров, святых-мучеников. Его имя содержит отсылку к образу апостола Петра, первое имя которого, как указывают Евангелия, было Симон (Иоан 1:42). Кроме того, внешность Саймона напоминает традиционный образ Иисуса Христа: аскетичное телосложение, темные длинные волосы, худое острое лицо. Его глубокие, искренние вопросы — «Что самое нечистое на свете?» [3, с. 76], «Что же можно еще сделать?» [3, с. 123] — по характеру схожи с вопросами, которые задавал Иисус в Евангелии от Матфея: «Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?» (Матф 9:4).

Антагонистом Саймона является Зверь, или Повелитель мух, который фигурирует в романе в виде аморальной силы, скрыто присутствующей в душе каждого человека. Поначалу в сознании одного из малышей эта сила принимает вид змеи. Заинтригованные ребята просят малыша: «Ну, расскажи нам про змея. — А теперь он уже говорит, это зверь. — Зверь? — Змей. Большущий. Он сам видел» [3, с. 31]. Эта хтоническая ипостась дьявола впервые встречается в третьей главе Книги Бытия, где, как мы помним, именно змей прельстил Еву вкусить запретный плод от Древа познания. Если в Библии Адам и Ева, вкусив запретный плод, нарушают волю Господа, то в романе мальчики нарушают зара-

нее установленные ими же самими правила — строить шалаши, поддерживать огонь в костре и порядок в лагере, что приводит к утрате безмятежной жизни на острове.

Следующим олицетворением Повелителя мух в романе становится свиная голова на палке, которая воплощает силы смерти и зла, вызывая у детей иррациональный страх. В ключевом эпизоде 4-й главы — в сцене разговора Саймона с Повелителем мух — Саймон демонстрирует внешнее сходство со страдающим в Гефсиманском саду Иисусом Христом: «Саймон поднял лицо, из-под тяжелых мокрых прядей посмотрел в небо» [3, с.122]; «лицо было лишено выраженья, а возле рта и на подбородке запеклась кровь» [3, с. 124].

В «Повелителе мух» Зверю сопутствуют маленькие, но жестокие приспешники зла — Джек Меридью, его соратник Роджер и другие охотники. Изначально Джек Меридью и Роджер подчиняются правилам, установленным всеми детьми. Но, увлекшись охотой, Джек Меридью и его соратники совершенно забывают про костер. Дальше — хуже: Джек Меридью, завидуя авторитету Ральфа, отказывается подчиняться правилам и уходит вместе с другими охотниками. Подобно Люциферу в христианской демонологии, в романе Джек Меридью становится символом ослепленности властью, символом гордыни, тщеславия и эгоизма. Ритуальный танец, в котором ослепленные жаждой крови охотники кричат: «Зверя — бей! Глотку — режь! Выпусти — кровь!» [3, с. 129], — становится черной мессой, где хрупкого мистика-визионера Саймона принимают за Зверя: «Толпа хлынула за ним, стекла со скалы, на зверя налетели, его били, кусали, рвали. Слов не было, и не было других движений — только рвущие когти и зубы» [3, с. 129].

Третьим воплощением Зверя на острове становится раскачивающееся на вершине горы тело мертвого парашютиста, который для мальчиков является вещественным доказательством существования Зверя. Именно Саймон становится тем, кто, невзирая на угрозы Повелителя мух, взбирается на гору и убеждается, что Зверь «безвреден и жуток» [3, с. 125]. Саймон осознает, что зло скрыто внутри человека: «Сколько бы Саймон ни думал про этого зверя, его воображенью явственно рисовался человек — героический и больной» [3, с. 88]. Герой спешит донести эту истину до остальных, но гора становится для Саймона Голгофой, по которой он передвигается, страдая и спотыкаясь от

усталости: «Саймон бросился вниз, у него подкашивались ноги, он заставлял себя идти, но ковылял кое-как» [3, с. 125]. Подобно Христу, Саймон принимает мученическую смерть от рук тех, до кого он пытался донести истину. Сцена смерти передана писателем с необыкновенной тонкостью и поэтичностью: «Медленно, в бахромке любопытных блестящих существ, само — серебряный очерк под взглядом вечных созвездий, мертвое тело Саймона поплыло в открытое море» [3, с. 130-131]. Для остальных детей смерть Саймона становится мощным толчком осознания своей грешной природы; все они оплакивают смерть Саймона в конце романа. С образом Саймона в роман входят мотивы Крестного пути и жертвенной смерти.

С позиции деления персонажей по принципу бинарной оппозиции «добро - зло» особый интерес в романе вызывает образ Ральфа. Перефразируя Ф. М. Достоевского, можно сказать, что Ральф — это персонаж, в котором дьявол борется с Богом, а поле битвы — сердце и душа Ральфа. Испытывая страшный голод, Ральф и его друг Хрюша вливаются в лагерь Роджера, робко пытаются напомнить ему о порядке и цивилизованности. Опьяненные ритмом дикого ритуального танца охотников, Ральф и Роджер становятся невольными участниками убийства Саймона, которого все принимают за Зверя. Ральф — единственный персонаж, который на следующее утро осознает чудовищность содеянного. «У Ральфа был такой голос, хриплый, убитый, что Хрюша сразу перестал махать. Он наклонился к Ральфу и ждал. Ральф, обнимая рог, раскачивался из стороны в сторону. — Неужели ты не понимаешь, Хрюша? Что мы сделали...» [3, с. 132]. С образом Ральфа в роман входит мотив осознания греха и раскаяния. Когда британский офицер, внезапно появившись в конце романа, словно *deus ex machina*, спасает Ральфа от обезумевшего от власти Джека и его соратников, Ральф, осознав трагичность произошедшего вместе с остальными ребятами, рыдает «над прежней невинностью, над тем, как темна человеческая душа» [3, с. 170].

Несмотря на высокую оценку творчества Голдинга, критики нередко обвиняли писателя в том, что он смотрит на жизнь с позиции тотального пессимизма. Как отмечает исследователь Дэвид Андерсон, в «Повелителе мух» «...нет никакого счастливого конца. ...Беды человеческие показаны здесь так, что ничто не может ни смягчить их, ни облегчить» (цит. по: [7, с. 132]). Что мог

ответить на это замечание писатель? В упомянутой ранее книге «Движущая цель» Уильям Голдинг с предельной искренностью и прямоотой сказал о себе: «Здесь нет мудреца, который принесет вам очищенную мудрость. А есть стареющий романист, барахтающийся во всех комплексах эпохи XX века, во всей путанице вер» (цит. по: [7, с. 44]).

В защиту авторской позиции Уильяма Голдинга можно привести слова из письма Франца Кафки — крупнейшего писателя XX в., который, как и Голдинг, исследовал в своих текстах темную сторону человеческого существования и которого считают своим предшественником представители литературного экзистенциализма: «В общем, я думаю, что мы должны читать лишь те книги, что кусают и жалят нас. Если прочитанная нами книга не потрясает нас, как удар по черепу, зачем вообще читать ее? ...Книга должна быть топором, способным разрубить замерзшее море внутри нас. В это я верю» [5, с. 451].

Таким образом, в романе «Повелитель мух» экзистенциалистские воззрения автора сочетаются с идеями христианства. В романе можно обнаружить духовно-этические цепочки противоположностей, которые характерны для библейской бинарной модели мира: свет и тьма, Божественное и дьявольское, разумное и бессознательное, жизнь и смерть. Центральным стержнем романа является концепция человека как арены противоборства добра и зла, Божественного и дьявольского. Если зло в романе предстает в образе Повелителя мух, Джека, Роджера и остальных членов его группы, то образ Саймона, который вобрал в себя черты Иисуса Христа и апостола Петра, противостоит им. С образом Ральфа в роман входит мотив осознания греха и раскаяния. В романе «Повелитель мух» Уильям Голдинг абстрагирует библейские мотивы и образы от чисто теологического контекста, благодаря чему они приобретают универсальный характер. Это позволяет говорить об интересе Голдинга к христианству исключительно с этической стороны.

Литература

1. Аникин, Г. В. История английской литературы / Г. В. Аникин, Н. П. Михальская. - М: Высшая школа, 1975. - 528 с.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Синодальный перевод. - М: Моск. Патриархия, 1988. - 1371 с.

3. Голдинг, У Повелитель мух. Шпиль. Зримая тьма: пер. с англ. / У Голдинг. - М.: АСТ: Астрель, 2011. - 590 с.
4. Ефимова, Д. А. Библейские мотивы и образы в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух» / Д. А. Ефимова // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskie-motivy-i-obrazy-v-romane-uilyama-goldinga-povelitel-muh>.
5. Кафка, Ф. Письма Оскару Поллаку / Ф. Кафка // Собр. соч.: в 3 т. - М.: Терра - Книжный Клуб, 2009. - Т. 1. - С. 443-460.
6. Синоло, Г. В. Веельзевул / Г. В. Синоло // Религии мира: энцикл. Словарь; общ. ред. А. А. Грицанова, Г. В. Синоло. - Минск: Книжный Дом, 2012. - С. 173-174.
7. Шанина, Ю. А. Мифопоэтика романов Уильяма Голдинга: дис.... канд. филол. наук: 10.01.03 / Ю. А. Шанина; Башкирский гос. ун-т. - Уфа, 2007. - 251 с.

ПАЭЗІЯ НАВАЛІСА Ў ПЕРА КЛАДАХ Л. БАРШЧЭЎСКАГА

Ю. П. Іванова

Белорусский государственный университет,
филологический факультет,
ул. Карла Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: juliett_1994@mail.ru

У артыкуле разглядаецца творчасць аднаго з самых вядомых нямецкіх рамантыкаў прадстаўніка ранняга [іенскага] рамантызму Фрыдрых фон Гардэнберга, вядомага пад псеўданімам Наваліс. Аналізуецца паэтычная спадчына Наваліса і яго рэцэпцыя ў беларускай культуры, у прыватнасці ў сферы мастацкага перакладу. У параўнанні з арыгіналам даследуюцца асаблівасці перакладаў з Наваліса, выкананых беларускім перакладчыкам Лявонам Баршчэўскім. У выніку паказана высокая мастацкая каштоўнасць дадзеных перакладаў і іх значнасць для беларускай культуры.

Ключавыя словы: нямецкая паэзія, рамантызм, Наваліс, мастацкі пераклад, беларуская культура, рэцэпцыя, Лявон Баршчэўскі.

POETRY OF NOVALIS IN TRANSLATIONS

BY LYAVON BARSHCHEWSKI

Y. P. Ivanova

Belarusian State University, Philology Department,
Marx Str. 31, 220030 Minsk, Republic of Belarus
e-mail: juliett_1994@mail.ru